

Я готовилась к приему. Сегодня я отправлюсь в королевский дворец. Как и в прошлый раз, когда я читала речь, я решила надеть простое платье без излишков и украшений.

Я приехала в столицу из-за приёма, на котором я должна объяснить отцу причину моего отлучения. Это очень серьёзный вопрос, потому что этот приём решит мою судьбу. Причина, по которой отец выслушает мои объяснения, в том, что он глава семьи. Если использовать офисные термины, отец — начальник моего отдела, и вот генеральный директор или высшее руководство звонит ему для разъяснения ситуации.

Они также примут решение о мере моего наказания. Лучшим для меня исходом было бы, если бы они назвали отлучение ошибкой и отменили его. В худшем случае я попаду в тюрьму или на плаху. На этом приёме необходимо присутствие виновника, его семьи, следственной комиссии и зрителей. Раз дело касается дворянина, значит, здесь будет огромная толпа аристократов, которые будут участвовать и наблюдать за ходом дела.

Меня, как обычно, сопровождали Райл и Дид.

Люди уже собрались... Честно говоря, на этот раз меня не пригласили: из-за отлучения я лишилась своего статуса дворянки, но с особым разрешением королевы мне разрешили войти в королевский дворец.

Мы прошли по заранее обговоренному с королевой маршруту, чтобы нас не увидели. Ааа... Похоже, мне не рады... Ну, полагаю, я незваный гость, так как никто не знал, что я буду присутствовать.

— Герцог Армелия, раз вы не смогли проконтролировать собственную дочь и удержать ее от совершения ошибок, то как вы со страной-то управляетесь?

Этот голос... Это вторая жена короля леди Эллия? Из ее слов выходит, что она хочет отставки отца с поста премьер-министра... Она обвиняет его в произошедшем?

— Вы хоть представляете, какой позор на репутации страны, когда дочь премьер-министра отлучена как грешница? Вы не в состоянии воспитать собственную дочь?

— Мы знали, что он некомпетентен в роли премьера, но теперь видим, что он провалился и в роли отца... Хааааа...

Дворяне, поддерживающие леди Эллию, начали жаловаться на отца. Вскоре по всей комнате начал ходить одобрительный шёпот.

— Я никогда не говорил моей дочери, что делать.

Тихий голос отца заставил остальных замолчать.

— Вы имеете в виду, что раз вы не говорили ей снести церковь, то не несёте никакой ответственности? Как жалко.

Леди Эллия высокомерно рассмеялась и повысила голос:

— Вы все это слышали? Послушайте. Прежде всего, вы не премьер-министр, а герцог Армелия. Все действия и операции, проходящие на вашей земле, становятся вашей ответственностью и вашим грехом. Не поддавайтесь иллюзиям, что сможете сбежать.

Ее заявление имело несколько значений: она хотела, чтобы отец оставил пост премьер-министра и отказался от земель. Дворянство, кажется, полностью ее поддерживает, так как наше герцогство — самое процветающее в королевстве и богато ресурсами. Если бы они смогли разделить эти территории между ближайшими соседями, то огромная выгода очевидна.

Слова леди Элли вызвали огромный ажиотаж. Мой отец повернулся и одарил всех ледяным взглядом, так что слушатели мгновенно притихли. Что и ожидалось от отца.

— Я не отрицаю свою вину. Я никогда не руководил действиями дочери по одной простой причине: я доверяю ей всем сердцем. Я послал ее выполнять роль лендлорда и, как ее отец, горд, что она сделала так много. Да, я премьер-министр. Да, я герцог Армелия. Однако, прежде и важнее всего, я отец. Поэтому я доверился своей дочери и не увидел нужды в контроле ее действий.

— Спасибо, отец.

Я поблагодарила отца, хоть и была уверена, что он не услышал мои слова. Его слова наполнили меня храбростью. Храбростью, чтобы войти в эту комнату.

Мои руки тряслись из-за страха и беспокойства, но, услышав эти слова, я мгновенно успокоилась. Хоть его слова и достигли моих ушей, физически меня не было в той комнате, и я не подглядывала в замочную скважину: я нахожусь в скрытой комнате замка, которая ведёт прямо в ту комнату довольно сложным путём.

Охранник, стоявший перед дверью, увидел меня и заволновался. Однако он успокоился, увидев письмо королевы, и послушно пропустил меня в комнату.

Дверь в комнату открылась — и я приступила к величайшему испытанию моей жизни.